

...И ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ ГВОЗДИК

Сов. кинематограф. - 1989. - 24 авг. - С. 6.

Свой театр в Вуппертале Пина Бауш называет Театром танца. С этим трудно спорить, когдамотришь, например, показанную в видеосалоне во время фестиваля театров ФРГ в Москве «Весну священную» на музыку И. Стравинского. И хотя сама хореограф утверждает, что ее группа не придерживается какого-то определенного направления, тем не менее традиции мировой культуры, немецкого экспрессионистского танца проглядывают в этом спектакле совершенно определенно. Сложнее обстоит дело с постановками Пины Бауш иного типа — спектаклями пластического, в первую очередь тотального театра. Здесь соседствуют порой в немыслимых сочетаниях, часто как бы заново заставляющих увидеть и осмыслить себя, звук и слово, свет и пластика. Человеческие ощущения, чувства, реакции на происходящее поднимаются до символа и перерастают во все виды театральных эмоций. И все-таки и тут (и это мы увидели в спектакле «Гвоздики», показанном в Дни фестиваля западногерманских театров) основой действия, основой самого театра становится пластика, связанная с ритмом, рожденная ритмом и рождающая в свою очередь ту музыкальную драматургию спектакля, по законам которой развивается его действие. Отсюда и непривычность самой формы «Гвоздик». Отсюда их сложная для первого восприятия логика.

По сути дела, «Гвоздики» — это спектакль бессюжетный, вернее, лишенный фабулы. Вначале кажется, что все это нагромождение не связанных между собой привычными литературными мотивировками эпизодов вообще лишено логики, граничит с абсурдом. Но логика в Театре Пины Бауш есть, она глубоко продумана и четко выстроена, только она иная, чем в обычном, рожденном по законам литературной прозы сюжете. Эта логика внутренних прихотливых изгибов эмоций, ощущений, возникающих как бы на твоих глазах. И потому резкий звук может разрушить казавшееся стабильным ощущение гармонии и покоя, когда, как это бывает в жизни, упавшая со стола чашка во время веселого ужина может поселить в сидящих за столом гнетущее ощущение.

Когда смотришь «Гвоздики», кажется, что перед тобой возникает как бы одномоментная картина мира, воспринимаемая одним человеком, который мгновенно реагирует на все спады, срывы в окружающей действительности, то успокаиваясь, то иронически посмеиваясь над внешней алогичностью происходящего. Но это лишь первый содержательный слой спектакля Пины Бауш. Сама она справедливо говорит, что все происходящее на сцене в любой из ее постановок произрастает из одного корня, вернее, одной темы. В «Гвоздики» она раскрывается как тема природы и взаимоотношений с ней се-

годняшнего мира, сегодняшних людей. Отсюда «выросли», пользуясь терминологией самой Пины Бауш, и мотив тяги человека к природным основам, и страшная проблема закрепощения человеческой личности.

Прекрасный, идеальный мир природы предстает перед нами в начале спектакля, розовое море гвоздик устилает всю сцену. Спокойно в тишине, будто слушая саму природу, сидят люди. Но вот одна фигура идет по этому полю — бережно, чуть касаясь земли. Другая проходит свой путь уже более небрежно. А затем кто-то грубо растопчет это прекрасное поле, не заботясь о носынь тысячах цветов, — природа больше не волнует человечество. И уже что-то пытаются пайти и не находят на этом поле другие люди. Этот эпизод рождает следующий — диссонансный. И тут же то ли дети, играющие в зайчиков и букашек, то ли танцовщики, их изображающие, резвятся, прыгая через гвоздики, прячась в них, создавая счастливое ощущение детства, слияния с природой. Резким, как звук упавшей чашки, диссонансом «звучит» появившийся человек в черном. Он требует от одного из самых «разрезанных» паспорт и лишь потом милостиво разрешает «играть дальше». Эта тема «рамки», «паспорта», насилия пройдет затем через весь спектакль. Она станет знаком несвободы, будет перебивать складывающиеся музыкально-пластические ритмы

там, где они достигнут самой большой полноты раскрепощения. И мы увидим, как прекрасная игра, артистизм в изображении той же собаки, например, обернутся унижением человека. А потом и реальная овчарка ныгнет из-за кулис — так в этой пластической теме будет поставлена последняя точка. И возникнет на сцене ощущение катастрофы, когда картонные коробки, выстроившиеся в какой-то безликий современный город, разрушатся летящими, словно черные бомбы, каскадерами. И будет расти тоска по природе, игре, раскрепощению, исчезнет «запах» гвоздик — люди попытаются заменить его дезодорантом.

Сцепление эпизодов, «вырастающих» из одной темы, Пина Бауш строит на упоении игрой, в которой каждый из актеров — мастер, виртуоз, но в первую очередь личность. Это они, сегодняшние лица и поэты театра, заставляют тебя весело смеяться, застынуть от предчувствия катастрофы, изумляться. Тема игры, прочитанная как тема человеческой свободы, озаряет спектакль пафосом свободы актерской. И когда в финале артисты, намеренно демонстрируя нам, что все увиденное было не чем иным, как игрой, начнут рассказывать, как каждый из них пришел на сцену, мы осознаем, что в этом театре были подлинная жизнь и ее глубина. Театр неожиданностей Пины Бауш в наш почти разуверившийся в силе Театра век неожиданно доказал его вечную юность, поэзию и способность к обновлению.

Н. ЧЕРНОВА.